

УДК 93/94
ББК 63.3
Б52

Walter Berschin

Griechisch-lateinisches Mittelalter:
Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues

Дизайн обложки Юлии Любимовой

Перевод с немецкого Андрея Виноградова

Редакционная коллегия серии «Страдающее Средневековье»:
*Олег Воскобойников, Андрей Виноградов, Юрий Сапрыкин-мл.,
Константин Мефтахудинов*

Бершин, Вальтер

Б52 Греко-латинское Средневековье: от блаженного Иеронима до Николая Кузанского / Вальтер Бершин; пер. А. Виноградова. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье).

ISBN 978-5-17-165601-0

Перед читателем уникальное исследование средневековой латинской литературы, которую автор рассматривает под неожиданным углом: с точки зрения влияния греческого письма и языка на становление западной традиции. Ведь латинская литература и культура Средневековья находились в постоянном контакте с греческой: имитация, реакция и рецепция сменяли друг друга. Долгое время европейские исследователи обходили эту тему стороной, из-за чего сложилось представление о том, что средневековая латинская письменность зависела больше от арабов, чем от древних греков и византийцев. Книга Вальтера Бершина, ставшая уже классической, опровергает это распространенное представление. Автор исследует проникновение греческого языка в латинскую письменность (на примере рукописей, надписей и т.п.) и анализирует взаимосвязи двух культур: например, интерес к греческой философии позднеантичного Запада, изучение греческого при дворе Карла Великого или греческие традиции в средневековых монастырях. Книга построена вокруг латинских (и не только) авторов, так или иначе соприкасавшихся с греческим языком, от Иеронима Стридонского, создателя канонического латинского текста Библии, до Николая Кузанского, заново открывшего Западу греческую философию. Несмотря на обилие имен и фактов, книга написана в увлекательном, порой детективном и даже юмористическом ключе. Настоящее издание адресовано филологам, историкам и широкому кругу читателей, интересующихся культурой Средневековья.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-17-165601-0

© A.Francke AG Verlag Bern
© А. Ю. Виноградов, перевод, 2024
© Издательство АСТ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика	5
Предисловие	7
Глава I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	11
Глава II. ОЦЕНКА И ЗНАНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА	29
Глава III. ФИЛОСОФСКИЙ И БОГОСЛОВСКИЙ ЭЛЛИНИЗМ В ЛАТИНСКОЙ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ	62
Глава IV. «ОЙКУМЕНА»: МОНАШЕСТВО, ПАЛОМНИЧЕСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	82
Глава V. ГОТСКАЯ ИТАЛИЯ	104
Глава VI. РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ИТАЛИЯ И ПРИМОРСКИЕ СТРАНЫ ЗАПАДА.....	121
Глава VII. МЕРОВИНГСКАЯ ГАЛЛИЯ — КАРОЛИНГСКИЙ ДВОР	140
Глава VIII. КАРОЛИНГСКИЕ МОНАСТЫРИ	172
Глава IX. ИТАЛИЯ В IX–X ВВ.	215
Глава X. ОТТОНОВСКАЯ ЭПОХА.....	236

Глава XI. ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	272
Глава XII. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ — РАННИЙ ГУМАНИЗМ	326
Указатель цитируемых рукописей	376
Хронологическая таблица	381
Указатель греческих и греко-латинских слов и фраз	391
Указатель лиц (до 1800 г.) и избранных литературных произведений	401

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга Вальтера Бершина, которую вы держите в руках, давно уже стала классическим и незаменимым пособием по истории межъязыковых контактов в Средние века и сложностей в понимании чужого языка как на Западе, так и на Востоке христианского мира. Выпущенная еще в 1980 г., она была переведена на английский и польский языки, получила дополнительные указатели, но, самое главное, постоянно дополнялась автором. Для настоящего издания профессор Бершин прислал большое число поправок и уточнений, так что русский перевод его книги оказывается самым актуальным на настоящий день.

Книга, посвященная межъязыковым контактам, уже в силу своего предмета весьма трудна для понимания и перевода. Во-первых, в полном соответствии с темой книги, по всему ее тексту разбросано множество отдельных слов и фраз на греческом и латинском языках, которые нуждаются в переводе на русский (тем более, что многие из них — прежде всего технические термины и идиоматические выражения — читателю нелегко понять даже и со словарем в руках). Во-вторых, В. Бершин (что типично для западной и особенно немецкой науки) приводит цитаты из работ исследователей на языке оригинала (латинском, английском, французском, итальянском), но не все читатели владеют одновременно всеми ими. Поэтому для того, чтобы сделать книгу доступной и приятной для чтения, для всех слов и фраз на иностранных языках мы даем русский перевод: для основного текста книги — в сносках внизу страницы, для авторских примечаний — внутри сносок в квадратных скобках. Каждое слово или выражение переводится лишь однажды в пределах главы. В том случае, если латинский фрагмент в сноске больше переведенного автором в тексте, в сноске мы переводим на русский только оставшуюся часть. На русский переведены также названия античных и средневековых литературных произведений и рукописей; то же относится и к заголовкам разделов в текстах Средних веков и Нового времени. Те латинские тексты, которые В. Бершин приводит в немецком переводе, мы переводили с латинских оригиналов — либо с представленных в книге, либо, в отсутствие таковых, по отобраным нами критическим изданиям. Перевод восточных литургических текстов дается, чтобы облегчить их узнавание русским читателям, на церковнославянский. Цитаты на современных европейских языках, согласно принятой сейчас в России традиции, приводятся обычно только по-русски. Для удобства библиографического поиска мы сохраняли в тексте книги оригинальные написания имен авторов произведений — они приводятся в скобках после своих русских транскрипций. Названия городов в обозначении мест хранения рукописей и издания книг даются на языке соответствующей страны. В исключительных случаях приводятся пояснения специальных терминов, используемых автором. Греческие и латинские слова согласуются по грамматическому роду оригинала.

Читатель, несомненно, заметит своеобразную “архаичность” библиографического оформления “Греко-латинского Средневековья”: имена авторов, вме-

сте с названиями их работ, зачастую сокращенными, не только заполняют пространство сносок, но и вплетаются в саму ткань повествования, в особенности, в экскурсы, набранные петитом. Русского читателя поначалу это может если не сбить с толку, то, во всяком случае, — с ритма чтения. Однако мы решили все же не менять структуру авторского текста, чтобы не перегружать страницы еще одной колонкой примечаний, а также чтобы сохранить специфику *немецкой* научной книги (и отраженной в ней *немецкой* научной мысли), где библиография и ссылки — не дань законам жанра, а стиль мышления и письма. По той же причине решено оставить без изменений и оформление библиографии, формально не соответствующее принятым в России нормам. Отчасти, однако, это вызвано и объективными трудностями по поиску и библиографической свертке узкоспециальных работ, в изобилии приводимых Бершином в сносках и основном тексте. Маюскулом даны греческие слова и фразы, записанные так в средневековых западных рукописях. К тексту книги добавлены указатели цитируемых рукописей, греческих слов и выражений, исторических лиц и литературных произведений, а также хронологическая таблица. К сожалению, из-за возросшего объема книги пришлось отказаться от библиографии цитируемых автором работ, полные ссылки на которые теперь, однако, легко найти онлайн.

Настоящий перевод был выполнен 15 лет назад, но по разным причинам (несмотря на две попытки) так и не увидел свет. Начало работы над ним было бы невозможно без дружеской помощи Григория Кесселя, а ее завершение — без беспощадной и бесконечно вдумчивой редактуры Олега Воскобойникова и Александра Ткаченко, которые в полной мере стали соавторами перевода. Мне хотелось поблагодарить также Платона Виноградова, участвовавшего в составлении указателей, Алину Прайс, которая помогала мне осуществлять коммуникацию с автором книги, и, конечно же, самого профессора Бершина, в диалоге в котором был закончен ее перевод.

Работая над ним, я часто вспоминал о замечательном коллеге и помощнике Вальтера Бершина, которого тот сам благодарит в предисловии к книге. В воспоминание о наших римских вечерах за чашкой чая, я посвящаю этот перевод светлой памяти Германна Гольдбруннера.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«За латынью слышится постоянный шепот на греческом».
D.J.R. Brücker (печ.), “The Oxford Latin Dictionary”
The New York Times Book Review, October 9, 1983, p. 27

Цель настоящей книги — представить средневековую латинскую литературу под определенным углом зрения и с определенной постановкой вопроса: в восточной, греческой перспективе и в связи с вопросом о значении греческого письма, языка и литературы для Запада в течение тысячи лет. Она задумана как история литературы латинского Средневековья *sub specie graecitatis*¹.

Такой взгляд не типичен для медиевистики. При этом, однако, постоянно слышались жалобы на нехватку обзора в данной области, и подобное обозрение называли научным дезидератом. Нехватка эта ощущалась в XIX в., вероятно, сильнее, чем в XX (ср. различные темы для наград Académie des Inscriptions et Belles Lettres², о которых говорится в главе I; кроме того, Туринская Академия ок. 1870 г. предложила изображение эллинизма³ в Италии как тему для своей награды, которая, однако, так и не была присуждена, Firmin-Didot, *Alde Manuce*, p. XXV). Наше представление о Средневековье здесь, как кажется, сужено. По крайней мере, для самой читаемой книги по латинской литературе Средневековья справедливы слова, что она сконцентрирована «на западной и южной (но не на северной или восточной!) культурной традиции» (H. Weinrich, “Thirty Years after Ernst Robert Curtius’ Book *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*”, *The Romantic Review* 69, 1978, p. 266).

Первой моей задачей было охватить невероятно широко раскинувшееся поле научной литературы и с ее помощью обозреть спектр греко-латинских традиций Средневековья во всей его полноте. Я стремился к всеохватности *знакомства с материалом*: опыт того, как, например, специалист по *graecolatina*⁴ в XIII в. мало знает о том же XII столетии и как знаток XIV в., опять же, пренебрегает важными явлениями XIII столетия, сделало это стремление к полноте неизбежным — пусть даже, ввиду обилия и рассеянности публикаций, здесь было предпринято почти невозможное. Насколько это возможно, я читал также старую и мало цитируемую литературу, причем выяснил, насколько редко старые научные труды были превзойдены действи-

¹ с греческой точки зрения (лат.) — прим. пер.

² Академии надписей и изящной словесности (фр.) — прим. пер.

³ В. Бершин пользуется в своей книге термином Hellenismus в широком его значении, подразумевающим совокупность всего, связанного с греческой цивилизацией. В таком смысле термин “эллинизм” несколько непривычен русскому читателю, знакомому с ним прежде всего в контексте истории Античности, однако не может быть заменен в русском языке ничем иным (например, эллинство и т.п.) — прим. пер.

⁴ греко-латинских текстов (лат.) — прим. пер.

тельно во всех моментах и как часто, напротив, за прогресс в одной области приходилось платить регрессом в другой.

После сбора материала и параллельно этому вставал вопрос, как представить его в приемлемом для читателя виде. На основании каких методологических предпосылок можно было бы отделить существенное для истории литературы от менее важного, изобразимое от не готового для представления материала? Нужно было решительно дистанцироваться от формы каталога — старого удобного образца истории литературы, который — с большими или меньшими вариациями — сопровождает нас вплоть до истории литературы современности. Она полезна как предварительная форма при обзоре материала и оправдана как путеводитель по необозримым традициям. Но в качестве *истории литературы* она неприемлема, ведь каталог, воздерживающийся от выбора материала, весьма далек от изучения взаимосвязи явлений, которое и составляет содержание данной дисциплины. Из всех принципов выбора я счел действенным тот, при котором материал образует осмысленные единства, когда в своем историческом развитии они могут быть представлены в четком отграничении друг от друга. Если здесь, например, отсутствует имя Бово Корвейского, о котором Видукин (*Res gestae saxonicae III 2*) говорит: *Graecas litteras coram Cuonrado rege legendo factus est clarus*⁵, и которому приписывается комментарий к *O qui perpetua...*⁶ Боэция, то дело тут в том, что Бово невозможно включить в какое-либо «единство» исторического процесса, и, вопреки усилиям некоторых ученых (ср. Rädle в *Verfassungsgeschichte* t. 1, 1978, col. 976f.), его имя стоит, так сказать, изолированно. Правильно расставить цезуры в последовательности греческих сфер влияния на латинском Западе и, соответственно, назвать важнейшие их элементы мне показалось важнее, чем представлять каждую деталь традиции. Таким образом, данная картина следует принципу *истории эпохи*.

Понятие литературы мне приходилось понимать широко, в старом ее смысле. Прежде всего, нельзя было исключать так называемую специальную литературу, ведь в ней и находится центр тяжести средневекового эллинизма. Напротив, не следовало писать историю школ, образования, культуры, историю вообще или апологию, пусть кое-что из этого всего и вошло в данный труд, где то позволял и требовал литературный контекст.

Хотя что-то пришлось исключить, остальное следовало представить пропорционально. На «окраинах Средневековья» перспектива смазана, посередине же находится то поле, где я позволил себе некоторое приближение. Это касается прежде всего изображения греческих традиций в монастырях вокруг Боденского озера, которое следует считать образцовым: подобным же образом после соответствующего изучения рукописей можно показать и взаимосвязь *graecolatina* в Фульде, Корби, Флэри или Монте-Кассино.

⁵ Греческие писания перед королем Конрадом ясно прочел (лат.) — *прим. пер.*

⁶ О, Ты, кто вечным (лат.) — *прим. пер.*

Таким образом, после способа и объема привлечения материала и после взгляда с точки зрения истории эпохи этот выбор следует назвать третьим принципом данной истории литературы. Насколько возможно, я стремился к автопсии рукописей и при этом всегда постигал, как сложное положение вещей неожиданным образом упрощается, стоит лишь обратиться к самим носителям традиции. Так все это превратилось в книгу, которая пытается представить историю литературы *исходя из рукописей*.

В том, что для латинского Средневековья более всего подходит написание именно такого рода истории литературы, я надеюсь убедить читателя; на то, что это станет началом целой школы, я не смею надеяться, ведь тогда *nonum prematuro in annum*⁷ стало бы необходимым минимумом для каждой попытки истории литературы. В любом случае, такое изображение имеет своей целью пробудить конкретное, более осмысленное наблюдение за средневековой литературой с точки зрения ее традиции: рукопись воплощает в себе присутствие этой самой литературы, и в ней та телесно ощущается среди нас.

В *Reallexikon der Byzantinistik* (1969/70) данная тема была проработана в форме очерка. А то обстоятельство, что его удалось развить в настоящую историю литературы, обязано благодарностью совету и деятельной помощи многих коллег. Вильгельм Ниссен (Кёльн) близко познакомил меня с образом мысли византийцев. Вальтер Бульст и Бернхард Бишофф дали мне множество полезных указаний; Райнхард Дюхтинг (Гейдельберг), Бенедикт К. Фольманн (Тюбинген) и Рихард Хаузер (Эммендинген) прочли рукопись книги. За ссылки на литературу по византистике я благодарен Петеру Вирту (Мюнхен), Герхарду Принцингу (Мюнстер) и Клаусу Бельке (Вена), по истории — Петеру Классену (Гейдельберг), по истории права — Карлхайнцу Мизере (Гейдельберг), по гуманизму — Германну Гольдбруннеру (Рим), по музыковедению — Кристофу Строуксу (Порт-Элизабет). Многие из указанных в списке рукописей библиотек помогли предоставлением сведений о манускриптах, посредством справок и пересылки фотографий: в особенности Баденская земельная библиотека в Карлсруэ, библиотека монастыря Санкт-Галлен, Австрийская национальная библиотека в Вене, библиотека Лейденского университета, Национальная библиотека Франции в Париже, муниципальные библиотеки Лана и Метца и Ватиканская апостолическая библиотека. Наконец, я не хотел бы забыть о своей благодарности и не известным мне по большей части сотрудникам библиотек Фрайбургского и Гейдельбергского университетов, которые в течение целых шести лет отыскивали в большом количестве литературу для этой книги.

Главный редактор др. Хельмут Бендер (Фрайбург) с огромным вниманием следил с самого начала за проектом книги, издатель др. К. Л. Ланг благодаря своему интересу и терпению внес большой вклад в ее завершение.

⁷ следует задержать до девятого года (лат.); изречение взято из Горация (*Ars poetica* 388) и обозначает необходимость долгой подготовки книги — прим. пер.

Г-жа Гертруда Хертцлер и г-жа Герлинда Франц набрали рукопись книги; sand phil. Йозеф Райсдёрфер читал вместе со мной корректуру и составлял указатель.

Всем им я хочу выразить благодарность. Я должен поблагодарить еще друзей, коллег и соратников за их готовность помочь, но прежде всего мою дорогую жену, которая несла со мной груз и этой книги. В память о моей мужественной матери († 24.1.1972 в Гюнцбурге) она посвящается Вульфиле.

В.Б.

Глава I

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Гуманистическое предубеждение — Библейские билингвы и “Critica sacra”⁸ — Палеография — История литературы — Специальные науки XIX в. — Латинская филология Средневековья — Современность

Гуманистическое предубеждение. “Оживление”, “возрождение” и “открытие” классической древности — как формула эпохи — из самоопределения гуманистов прямо перетекли в наше историческое сознание. Давно известно, что в литературе не было никаких прямых «соединительных линий между Ренессансом и Античностью», что «ни один римский писатель не был заново открыт», что обновленный тогда по якобы античным образцам шрифт был каролингским (в его раннесредневековом итальянском изводе) и что рукописи классиков, вышедшие на свободу из «глухих темниц» монастырей и торжественно перекочевывавшие в частные собрания гуманистов и типографии, почти все происходят из средневековых, прежде всего, каролингских скрипториев.

Представление о преимуществах было не характерно для сознания гуманистов. Ни один из них не согласился бы объявить себя карликом, который видит больше и дальше своих предшественников только потому, что сидит «на плечах гигантов»⁹. Позабывшая своих отцов эпоха чувствовала себя обязанной прошлому так же мало, как и неизвестному грядущему. История традиции текстов может много рассказать о том, как портилась каждая средневековая рукопись, оказавшись в руках гуманистов: «Множество рукописей пропало сразу после того, как хранившие их монастырские стены пали или ослабели; множество, причем зачастую уникальных, навсегда потерянных экземпляров погибло не между монастырем и типографией, а именно в типографии из-за опрометчивого небрежения самих жадных их любителей, которые после издания просто теряли к ним всякий интерес¹⁰».

⁸ священная критика (лат.) — прим. пер.

⁹ По знаменитому изречению Бернарда Шартрского, которое сохранил Иоанн Солсберийский: *Dicebat Bernardus Carnotensis nos esse quasi nanos gigantium humeris insidentes, ut possimus plura eis et remotiora uidere, non utique proprii uisus acuminis aut eminentia corporis, sed quia in altum subuehimur et extollimur magnitudine gigantea* [Бернард Шартрский сказал, что мы словно карлики, сидящие на плечах гигантов, так что можем видеть больше и дальше их: не благодаря остроте своего зрения или телесному росту, но потому что нас подняла высь и поддерживает величина гигантов (лат.) — прим. пер.]. *Metalogicon* III 4, изд. С.С.I. Webb, Oxford 1929, p. 136 (*Migne PL* 199, col. 900).

¹⁰ Rose, *Anecdota Graeca et Graecolatina* t. 2, p. 163. С этим можно сравнить то, как еще Фойгт (Voigt, *Die Wiederbelebung des classischen Altertums* t. 1, p. 8f.) осмыслил средневековую традицию античной литературы: «Переписывание книг было простым ремеслом, которое часто предписывали орденские правила, чтобы при помощи этого мирного занятия изменить грубые нравы, чтобы отвлечь от скуки более слабых братьев или чтобы приобрести

Греческие штудии гуманистов были много более оригинальны, судьбоносны и бережны, чем латинские. Благодаря гуманизму интеллектуальная жизнь греков не угасла с падением столицы их империи — Константинополя — в 1453 г.: гуманисты приняли ученых греков с распростертыми объятиями, передав после смерти поколения эмигрантов свет греческой науки в школы и университеты, — конечно, со всеми теми изменениями, которые претерпевает духовный мир, когда продолжает жить только в школе и на письменном столе, например, с изменением греческой фонетики от живого “итацизма” к мертворожденному эразмову произношению. Но эта *translatio studii*¹¹, совершившаяся в XV в., стала настоящим достижением политической и культурной жизни всемирно-исторического значения.

С большим правом, чем в латинских штудиях, в греческих гуманизм мог указывать на свою оригинальность: он часто это и делал, и приговор гуманистов «Средневековье не знало греческого» живет как общее мнение и по сей день. Оно во многом оправдано, но в своем обобщении все же ошибочно. Изучение и знание греческого пунктиром проходит через все латинское Средневековье, и ранний гуманизм, собственно говоря, и вышел из этой традиции.

Библейские билингвы и “critica sacra”. Взаимосвязи между греческими штудиями Средних веков и Нового времени очевидны прежде всего в билингвах, немалочисленных греко-латинских рукописях Псалтири, Евангелий, Посланий Павла и Деяний апостолов, дошедших до нас от поздней Античности и Средневековья. Гуманизм, как и Средние века, ценил эти рукописи в качестве пособия для самостоятельного изучения греческого языка: иногда их использовали на соборах, и с XVI в. “*Critica sacra*” занялась такими кодексами, позволявшими работать параллельно с латинским и греческим текстом Писания¹².

Самой ранней из использованных для издания Библии билингв считается “*Codex Bezae*” — уникальная греко-латинская рукопись Евангелий и Деяний

состояние для монастыря, причем это то разрешалось, то, в других случаях, снова запрещалось. Если в знаменитых бенедиктинских обителях в Монте-Кассино, Клуни, Санкт-Галлене или Фульде когда-либо, наряду с миссалами и молитвословами, и копировались классические произведения, то это либо происходило по приказу аббата, либо было, возможно, игривым любительством самого брата. Но никогда это не шло дальше мертвых букв. Часто также, когда знатный аббат ехал с соколом на руке по полям, направлялся на турниры или придворные праздники либо, в худшем случае, наблюдал за фиглярами, пока братья шлялись вокруг или оживляли скучный разговор вином, эти книги гнили в самой темной и сырой келье...» Фантазии первой части этого описания никогда больше не повторялись, по крайней мере, после появления работы Wattenbach, *Schriftwesen im Mittelalter* (1871). Вторая часть воспроизводит топос гуманистического оправдания грабительских набегов на старые библиотеки.

¹¹ научная преемственность, передача знаний, дидактических традиций (лат.) — прим. пер.

¹² Краткий обзор билингв до XIII в. см. в Siegmund, *Die Überlieferung der griechischen christlichen Literatur*, p. 24–32. О значении билингв для истории текста Нового Завета см. С. v. Tischendorf, O. v. Gebhardt, “Bibeltext des NT”, *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche* t. 2, Leipzig³ 1897, p. 728ff.

апостолов V в., которая, самое позднее, со второй трети IX в. находилась в Лионе. Тогда рукописью пользовались диакон Флор и Адон, ставший впоследствии епископом Вьеннским. В 1546 г. епископ Клермонский Гийом Дюпра цитировал по этой рукописи на Тридентском соборе; через четыре года ее колляцию сделали по указанию Робера Этьена (Stephanus). Во время Гугенотских войн Теодор де Без (Беза) “отыскал” кодекс и подарил его позднее Кембриджскому университету. Текст кодекса полностью издавался трижды: в 1793 г. Киплингом (Kipling) с применением не лишённого ошибок факсимильного шрифта, затем в 1864 г. Ф.Г. Скривенером (F.H. Scrivener) в дипломатическом издании и, наконец, в 1899 г. как фототипическое факсимиле¹³.

Наряду с “Кодексом Безы” самой ранней и интенсивно изучавшейся библейской критикой билингвой был, пожалуй, “Codex Laudianus” с Деяниями апостолов. И эта греко-латинская унциальная рукопись, написанная, вероятно, на Сардинии ок. 600 г., служила для библейских штудий как в Средние века, так и в Новое время, потому что, согласно одному средневековому свидетельству, подтвержденному новейшими исследованиями, именно по ней изучал греческий и комментировал Деяния апостолов Беда Достопочтенный. Видимо, еще в VIII в. рукопись попала в посвященный св. Пирмину монастырь Хорнбах в Пфальце, а затем, вероятно, в библиотеку Вюрцбургского собора. Во время Тридцатилетней войны архиепископ Уильям Лод приобрел ее для Оксфорда. В 1675 г. Джон Фелл взял разночтения кодекса в оксфордское издание греческого Нового Завета; в 1715 г. Томас Хирн издал в Оксфорде весь текст рукописи. Новое издание предпринял в 1870 г. в Лейпциге Константин фон Тишендорф (Constantin von Tischendorf), который велел изготовить для него греческий унциальный шрифт, неоднократно становившийся образцом для адекватной передачи позднеантичного и средневекового греческого маюскула¹⁴.

Третьей часто использовавшейся греко-латинской рукописью был “Codex Voergerianus” (IX в.) с Посланиями ап. Павла. Он был открыт, когда оказался в собственности профессора богословия из Лейпцига Кристиана Фридриха Бёрнера, и Лудольф Кюстер взял его разночтения во второе издание греческого Нового Завета Джона Милла. В XVII в. рукопись принадлежала Паулусу Юниусу (Paulus Junius) в Лейдене; ее средневековая родина — библиотека Санкт-Галлена. Эта билингва также неоднократно издавалась. Ее воспроизведение с соблюдением строк издал в 1791 г. в Мейсене виттенбергский профессор Христиан Фридрих Маттеи (Christian Friedrich Matthaei); аккуратно сде-

¹³ Cambridge, University Library Nn. II. 41. — F.H. Scrivener, *Bezae Codex Cantabrigiensis*, Cambridge 1864; *Codex Bezae Cantabrigiensis... sumptibus academiae phototypice repraesentatus*, Cambridge 1899; H. Quentin, “Le Codex Bezae a Lyon au IX^e siecle. Les citations du nouveau testament dans le martyrologe d’Adon”, *RB* 23, 1906, p. 1–25; Lowe, “The Codex Bezae at Lyons”, *Palaeographical Papers*, p. 182–186; *CLA* II 140 (2-е изд.).

¹⁴ Oxford, Bodleian Library Laud. gr. 35. — C. de Tischendorf, *Codex Laudianus sive Actus Apostolorum Graece et Latine*, Leipzig 1870. *CLA* II 251 с библиографическими ссылками на с. 54 и 60 2-го издания. См. также В. Bischoff-J. Hofmann, *Libri Sancti Kyliani. Die Würzburger Schreibschule und die Dombibliothek im VIII. und IX. Jahrhundert*, Würzburg 1951, p. 90f.

ланная книга выдержала и второе издание. В 1909 г. в Лейпциге, к 500-летию юбилею университета, вышло факсимиле, которое может считаться самым красивым воспроизведением греко-латинской рукописи Средневековья¹⁵.

Типичная судьба постигла и схожий с ней “Codex Paulinus Augiensis” из аббатства на о. Райхенау, также IX в. Эта рукопись была взята на время Базельского собора кем-то из соборных юристов, видимо, не возвращена и попала в шаффхаузенскую, а затем гейдельбергскую частную коллекцию, где ее в 1718 г. приобрел кембриджский королевский профессор богословия Ричард Бентли (Richard Bentley) для запланированного им нового издания Нового Завета. В следующем году он одолжил у своего лейпцигского коллеги Бёрнера его уже упомянутую греко-латинскую рукопись Посланий ап. Павла, так что тесно связанные между собой билингвы с текстом Павловых Посланий из Райхенау и Санкт-Галлена несколько лет пролежали рядом друг с другом в Кембридже у Бентли — и так бы там и остались, если бы Бёрнер не предпринял все усилия, чтобы получить обратно свою рукопись. С кембриджского “Codex Paulinus Augiensis” также было сделано дипломатическое издание¹⁶.

Богословско-издательское изучение двуязычных рукописей Библии лишь давало некую косвенную информацию о знании греческого в латинском Средневековье. Богословы искали в этих рукописях оригинальный текст или ранний слой традиции, но с той поры, как выяснилось, что билингвы для этого совершенно не подходят, интерес к ним, по крайней мере, в области критики текста, сильно угас¹⁷. Однако на протяжении более чем двух столетий богословие создавало билингвам широкую известность: издания, вышедшие в рамках “*Critica sacra*” и воспроизведенные с соблюдением строк и факсимиле греко-латинских рукописей, остаются ценны для филологии.

¹⁵ Dresden, Sachs. Landesbibliothek A 145^b. — Chr.Fr. Matthaei, *XIII epistolarum Pauli codex Graecus cum versione Latina veteri vulgari antehieronymiana olim Boemerianus nunc bibliothecae electoralis Dresdensis*, Meissen 1791; editio minor Meissen 1818; *Der Codex Boemerianus ... in Lichtdruck nachgebildet...* hrsg. von der Königl. Öffentlichen Bibliothek zu Dresden, с отличным предисловием Александра Райхардта (Alexander Reichardt) о новейшей истории рукописи и ее изучения.

¹⁶ Cambridge, Trinity College B. 17.1. — F.H. Scrivener, *An Exact Transcript of the Codex Augiensis*, Cambridge-London 1859. Новое описание в M.R. James, *The Western Manuscripts in the Library of Trinity College* t. 1, Cambridge 1900, p. 544–546. Ср. A. Holder-K. Preisendanz, *Die Reichenauer Handschriften* t. 3/2, Wiesbaden 1973, p. 21f., 247, 272 [лит.], 191f. [лит.]. Палеографический анализ этой рукописи, созданной 10 писцами, см. в W. Berschin, “Die griechisch-lateinische Paulus-Handschrift der Reichenau Codex Paulinus Augiensis”, *Mittelalterliche Studien* II, Heidelberg 2010, p. 65–78.

¹⁷ Ведь они не только написаны с грубыми ошибками, но к тому же их греческий текст часто находится под влиянием стоящего рядом латинского, иногда самым неожиданным образом, *Psalmi cum Odis*, (Septuaginta Societatis Scientiarum Gottingensis 10), Göttingen 1931, p. 32. «Музеем истории текста» называет билингвы Frede, *Altlateinische Paulus-Handschriften*, p. 91: «Это не те каналы, в которых происходит живая передача текста и его развитие. Их греческий текст наследуется как музейный экспонат от рукописи к рукописи...» *Ib.*, p. 50ff., 80ff. специально о “Codex Boemerianus” и “Codex Augiensis”.

Почетное место в истории изучения средневековых билингв принадлежит богослову Генриху Христиану Михаэлю Реттигу (Heinrich Christian Michael Rettig) из Гиссена. Он дальше всех критиков библейского текста продвинулся в понимании греко-латинских рукописей Библии с точки зрения филолога и медиевиста, использовав немногие отпущенные ему судьбой годы преподавательской деятельности в Цюрихе на издание (в 1836 г.) греко-латинского Евангелия из монастырской библиотеки Санкт-Галлена (cod. 48). Он понял, что, даже если полностью перепечатать целый кодекс, это не помогает разобраться в необозримой массе разночтений, но помочь могут лишь *vividae quasi imagines*¹⁸ рукописей и каждого листа. Тогда, чтобы максимально исключить индивидуальный элемент при воспроизведении, он велел прорисовать кодекс на кальке, перенести прорисовку на литографский камень и таким образом, словно фотографии до рождения фотографии, размножить. В весьма содержательном введении Реттиг описал практически все существенные для оценки кодекса признаки: он признал также в Санкт-галленском Евангелии и дрезденских Павловых Посланиях (“Boernerianus”) *fratres gemellos*¹⁹, см. Rettig, *Codex Sangallensis Graeco-Latinus interlinearis*, p. XIX.

Палеография. К началу XVIII в. новая наука палеография также занялась *graecolatina* в западных библиотеках. Монах-маврост Бернар де Монфокон (Bernard de Montfaucon) приводил в своей вышедшей в 1708 г. *Palaeographia Graeca* такие примеры²⁰: “Specimina Codicum Graecorum septimi circiter saeculi, qui apud Latinos scripti sunt”²¹, “Specimen Graecum noni saeculi apud Latinos, ex Psalterio Monasterii S. Michaëlis in Lotharingia, quod Sedulii Scotti manu exaratum fuit”²², “Specimen ex Glossario Laudunensi Graeco-Latino...”²³ Так основатель греческой палеографии указал древние билингвы: в “Псалтири Седулия” он уже распознал выдающийся образец чисто греческой рукописи, написанной на Западе, а в Ланском глоссарии — важнейшее свидетельство греческих штудий каролингского времени.

История литературы. СобираТЕЛЬСКИЙ пыл XVIII в. в области истории литературы принес много нового и для *graecolatina*. В 1724 г. в *Veterum Scriptorum... Amplissima Collectio* монахов-мавростов Эдмона Мартена (Edmond Martène) и Юрсена Дюрана (Ursin Durand), были опубликованы, например, предисловия юриста Бургундиона Пизанского († 1193) к его пере-

¹⁸ как бы живые образы (лат.) — прим. пер.

¹⁹ близнецов (лат.) — прим. пер.

²⁰ Montfaucon, *Palaeographia Graeca*, p. 217ff., 235ff. “Псалтирь Седулия” хранится ныне в Париже, Arsenal Cod. 8407, а “Glossarium Laudunense” — в Лане, Bibl. Municipale Cod. 444.

²¹ образцы греческих кодексов около VII в., которые написаны у латинян (лат.) — прим. пер.

²² греческий образец IX в., [написанный] у латинян, из монастыря Св. Михаила в Лотарингии, который был написан рукою Седулия Скотта (лат.) — прим. пер.

²³ образец из греко-латинского Ланского глоссария (лат.) — прим. пер.

водам с греческого, и частично именно ими приходится пользоваться по сей день²⁴. Лудовико Антонио Муратори (Ludovico Antonio Muratori) первым указал на ряд итальянских знатоков и переводчиков с греческого эпохи Высокого Средневековья в главе “De literarum fortuna in Italia post annum Christi MC²⁵” третьего тома своего труда *Antiquitates Italicae Medii Aevi*²⁶. Вопрос о греческом языке в Средневековье ввел в качестве отдельной темы истории литературы Джан Джироламо Градениго (Gian Girolamo Gradenigo) в своей опубликованной в 1743 г. в Венеции *Lettera all’Emin^{mo}... card^{le} Angelo M^a Querini... intorno agl’Italiani, che dal secolo XI. insin verso alla fine del XIV. seppero di greco* («Письмо высокопреосвященнейшему кардиналу Анджело Мария Кверини об итальянцах XI — конца XIV в., владевших греческим языком»), которое в основных чертах совпадает, как кажется, с вышедшим в 1759 г. в Брешии «Историко-критическим исследованием греко-итальянской литературы» (*Ragionamento storico-critico intorno alla letteratura greco-italiana*)²⁷. Ученый монах-театинец, как и большинство авторов обзоров по истории литературы, верил на слово гуманистам, считая, что греческий на Западе начали изучать только с Хрисолора или, самое раннее, с эпохи Петрарки и Боккаччо. Чтобы противостоять такому невежеству касательно средневековых греческих штудий и исправить эту несправедливость, порожденную прежде всего итальянскими эллинистами, Градениго написал свою, уже весьма солидную специальную историю. Ей, в свою очередь, воспользовался Джироламо Тирабоски (Girolamo Tiraboschi), прославляя в вышедшей в 1772-1778 гг. *Storia della Letteratura Italiana* «то немалое число итальянцев, которые поднаторели в греческом²⁸».

В XIX в. первенство в занятиях историей литературы *graecolatina* перешло от итальянцев к французам. Востоковед Амабль Журден (Amable Jourdain) ответил в 1817 г. в своих «Исследованиях о древних латинских переводах Аристотеля» (*Recherches sur les anciennes traductions latines d’Aristote*) на конкурсный вопрос Академии надписей и изящной словесности относительно появления

²⁴ E. Martène-U. Durand, *Veterum Scriptorum et Monunentorum Historicorum, Dogmaticorum, Moralium Amplissima Collectio* t. 1, Paris 1724, col. 817ff., 827ff.

²⁵ О судьбе письменности в Италии после 1100 г. по Р.Х. (лат.) — *прим. пер.*

²⁶ L.A. Muratori, *Antiquitates Italicae Medii Aevi* t. 3, Milano 1740, Diss. XLIV, col. 883–998, особ. col. 918, 938.

²⁷ Ср. Minio-Paluello, *Opuscula*, p. 565; *Lettera* Градениго была мне недоступна. Редка и *Ragionamento*, книга в 176 страниц in 8°: из нее сделан подробный реферат в Gidel, *Nouvelles études*, p. 225–244. — Здесь следует упомянуть также академическую речь D.M. Manni, *Dell’antichità oltre ogni credere delle lettere greche in Firenze*, Firenze 1761. Манни привлекает всяческую антикварную информацию по греческому языку в западном Высоком Средневековье, например, задается таким вопросом: упомянутые у Данте в *Paradiso* XVI, 88 сл. флорентийцы по имени *Greci* (*lo vidi gli Ughi, e vidi i Catellini/Filippi, Greci ...*) «non fossero in origine dalla Grecia venuti [не происходили ли первоначально из Греции (итал.) — *прим. пер.*]» (р. 9). Ссылаясь на флорентийского библиотекаря А.М. Бандини (A.M. Bandini), он приводит, однако, и свидетельство о греколатинских рукописях.

²⁸ G. Tiraboschi, *Storia della Letteratura Italiana* t. 3, Firenze 1806, p. 334ff.